

1780 - 1917 - 1939

150-літєі великой французской революціі служит поводом для историков, политиков, идеологов различных направлений и режимов оглянуться вспять и, сравнив вѣк нынѣшній и вѣк минувшій, поставить вопрос о том, куда идет или куда за полтора вѣка пришел мїр?

На родинѣ революции в этом отношеніи царит, можно сказать, единодушіе. Если откинуть невліятельную группу роялистов, типа Додэ и Морраса, вмѣстѣ с вѣрностью бурбонам сохранивших и вѣрность их династической традиціи — «ничего не забывая, ничему не научився», Франція через полтора ста лѣт оказалась «единой и недѣлимой» в отношеніи к своей революціи. От самых неумѣренных націоналистов и до крайних коммунистов, участвующие и неучаствующие в официальных церемоніях и празднованіи юбилея, всѣ партіи и группы одинаково преславляют революцію; больше того — считаются с ней родством и силятся выдать именно себя за единственных, прямых и подлинных ея наслѣдников, вѣрных ея духу и завѣтам. Одни при этом рекомендуют в е р н у т ь с я к этим завѣтам («только принципы 1789 г. спасут Европу от порабощенія», — утверждает противник нынѣшняго режима во Франціи полк. де ла Рок), другіе б л ю с т и их («когда народ становится свободным, он должен сам блюсти за своими судьбами», — говорил Даладьє на празднованіи «чудотворной години» в Трокадеро), третьи — р а з в и т ь их при- мѣнительно к новым нуждам и взглядам.

Если искать различія в нынѣшнем общенациональном сочувствіи к революціи 1879 г. во Франціи, оно пройдет все по той же линіи пріятія ея en bloc, в цѣлом, или в частичном пріятіи — ея заданій и принципов, но без террора или «эксцессов», исказивших ея лик и отягчивших самое осуществленіе провозглашенных ею праведных начал. Крайніе лѣвые, с коммунистами во главѣ, конечно, за революцію в цѣлом, с ея неистовством и казнями; умѣренныє и центр, до радикал - социалистов, считающих себя яко-

бинцами 19-го и 20-го вѣка, — против такого общаго пріятія: «Я не пріемлю утвержденія, что революція составляет единый блок, — говорил на одном из официальных торжеств Эррио. Революція совершила ошибки, имѣла недочеты и того хуже. Взаимная ненависть застопорила движеніе идей... Казнь Байи, Лавуазье, Шенье — какое бессмысленное варварство!» Наконец, среди социалистов можно найти защитников и того, и другого взгляда. Б. министр правительства народнаго фронта Лагранж—за пріятіе революціи в цѣлом, а бывший глава правительство, в которое он входил, — обратнаго мнѣнія. Леон Блюм писал в «Попюлерѣ»: «Эррио, продолжающій изслѣдовать французскую революцію в духѣ Мишлэ и Жореса, показал в недавней рѣчи, к каким злоупотребленіям может привести идея «блока» революціи. Он требовал в отношеніи к этой дивной эпопеѣ — независимой критики для историка, свободы высказывать сожалѣніе и даже осужденіе. Он совершенно прав, — лишь бы только сужденіе опиралось на непредвзятое усиліе разума и изученіе отдѣльных эпизодов постоянно воспомялось общим взглядом». — Свое же отношеніе к революціи Блюм формулировал цитатой из жоресовой «Исторіи революціи»: «О, правители сегодняшняго дня, — теперь же вносите возможно больше человѣчности в нравы и законы, чтобы найти ее в неизбѣжный день грядущей революціи. И вы, пролетаріи, помните, что жестокость — остаток рабства; она свидѣтельствует о том, что варварство режима - угнетателя сохранилось еще и в нас!..»

Так же, как для французской республиканской демократіи естественна ея положительная оцѣнка собственнаго революціоннаго прошлаго, так же естественно для тоталитарнаго германскаго рейха и фашистской итальянской монархіи их отталкиваніе от принципов 89-го года и, в первую очередь, — от прав человѣка и гражданина. Муссолини до Гитлера и Гитлер, превзойдя в ожесточеніи Муссолини, одинаково возстают против «архаическаго пережитка» конца 18-го вѣка. Они отрицают полностью (тоже «en bloc») все, что было неосмотрительно провозглашено и преступными средствами осуществлено французской революціей. Не «демократическая догма» и не «свободный народ» создали современную Францію и то, что в ней жизнеспособно и цѣнно, — пишет націонал - социалистическая печать, а «военные диктаторы, которые сумѣли наступить на выю сотням тысяч плебеев».

В том, чтобы исправить ошибку французов, допущенную

исторіей в годы коллективнаго помѣшательства, фашисты и наци видят одно из главных своих исторических призваній и назначеній. В дни празднованія революціи во Франціи, германскій офиціоз «Фелькишер Беобахтер» восхвалял фюрера за то, что «к 150 - му году революціи великіе народы вырвались из под хлороформирующаго ея вліянія и возстановили на почетное мѣсто вѣчные законы жизни, несмѣняемую іерархію. Люди и идеи, создавшіе новую эру, возстали против доктрины ложнаго равенства и лживой свободы»...

Вот, оказывается, к чему идет и частично уже пришел мір!

В яростности своих нападков на французскую революцію наци превзошли многих ненавистников французской революціи. Но в существѣ своего отрицанія они явились лишь эпигонами и подражателями: как и во многих других случаях, наци 1939 года повторяют большевистскіе зады эпохи военнаго коммунизма.

И сейчас еще спорят о том, чего было больше в писаніях Маркса и Энгельса: апологіи формальной демократіи или диктатуры? Безспорно, что то и другое б ы л о в доктринѣ Маркса и Энгельса и что начало демократіи, или, чтобы быть болѣе точным, революционизирующее вліяніе политической свободы на экономическія отношенія, подчеркивалось тѣм сильнѣе, чѣм ближе во времени, — особенно Энгельсом.

Большевистская линія русских марксистов шла как раз в обратном направленіи: от демократіи, которую большевики отстаивали, когда были в подпольѣ и в оппозиціи к власти, — они пришли к диктатурѣ, как только стали держателями власти. Сообразно с этим, в разное время бывало различно и отношеніе идеологов пролетарской диктатуры к французской революціи — к ея буржуазным принципам и достижениям. Из примѣра, достойнаго подражанія, французская революція превращалась в пункт отталкиванія, или в трамплин для «прыжка» ввысь и вдаль, — чтобы снова стать цѣннѣйшим достиженіем, оправдываемым не только исторически, но и политически.

При всем своем максимализмѣ Ленин до міровой войны меньше всего считал возможным введеніе социализма в наши дни в отсталой и капиталистически неразвитой Россіи: ей в пору исправить несправедливости, допущенныя при отмѣнѣ крѣпостнаго права в 1861 г. по отношенію к крестьянству, но никак не вводитъ со-

циализм. Ленин и большевики имѣли свое представление о «движущих силах» русской революціи; но, с буржуазіей ли в качествѣ гегемона или с пролетариатом во главѣ крестьянства и буржуазіи, русской революціи, по их мнѣнію, предстояло лишь повторить в условіях начала XX-го вѣка французскую революцію конца XVIII.

С міровой войной пред Лениным открылись болѣе широкіе горизонты и новыя перспективы, — все же далекія от того, чтобы именно в Россіи усмотрѣть «родину социализма». Благодаря отсталости Россіи в ней легче произвести переворот; но новый социальный строй ей удастся заложить у себя лишь при помощи болѣе культурных и социальнo зрѣлых стран, которыя к революціи могут придти и позднѣе Россіи, но, конечно, раньше нея призваны свершить предусмотрѣнный «прыжок» в царство свободы. И послѣ завоеванія власти в Россіи официальная доктрина большевиков первоначально утверждала, что совѣтская Россія является лишь плацдармом и детонатором міровой социальной революціи, несущей социализм передовым странам Запада.

И только послѣ ликвидаціи Учредительнаго Собранія и заключенія брест-литовскаго мира, когда Ленин убѣдился, что ему непосредственно не грозит опасность «быть вывезенным на тачкѣ» и что «міровая» в Европѣ запаздывает, — когда возникла необходимость так или иначе устроиться на болѣе длительный срок на новых позиціях, по нуждѣ явилось и новое устремленіе: себя и свое во всем противопоставлять всему чужому, бывшему и существующему. Отсюда и миф о новом человѣкѣ на новой землѣ, созданной Совѣтами, — невѣдомыми Европѣ, но тѣм болѣе увлекательными для европейскаго сознанія. «Совѣтам» суждено было стать одновременно и свѣтлым мифом для западнаго человѣка, истощеннаго войной, нуждой и безработицей, и прикрытіем «неувязки» в большевистской идеологіи и практикѣ, получившейся в результатѣ побѣды социализма не в міровом масштабѣ, а в одной странѣ, наиболѣе отсталой политически и экономически.

...«Сгинь ты, англійское юдо,
Расплещися по морям,
Наше сѣверное чудо
Не постичь твоим сынам!..»

В порядкѣ утвержденія своей самобытности и особенной, совѣтско - социалистической стати, «сѣверное чудо» и было проти-

вопоставлено всѣм другим до того бывшим революціям и, в частности, — великой французской. Больше того: умаленіе и поношеніе «буржуазной» французской революціи, утвердившей собственническое начало, служило возвеличенію своей, — сначала «рабоче - крестьянской», потом «пролетарской» и, задним числом, «соціалистической».

Не власть привилегированных и владѣющих классов, как в буржуазных монархіях и даже республиках, а — власть рабочих и крестьян, рабоче - крестьянская власть; не чиновничество, полиція, суд и армія, служащіе угнетенію в буржуазных государствах, а — Совѣты рабочих и крестьянских депутатов, чтобы «сломать» аппарат насилія над трудящимися; не единая и недѣлимая нація, а — «федерація совѣтских національных республик» и, вмѣстѣ с тѣм, конфедеративный, или «свободный союз свободных націй», и т. д. На таких анти теза х построено почти все «революціонизирующее» декретное творчество эпохи военного коммунизма. На противопоставленіи октябрьской революціи — французской революціи и ея Декларации прав человѣка и гражданина покоится и утвержденная 3-м Всероссийским С'ѣздом Совѣтов в январѣ 1918 г., так называемая «Декларация прав трудящагося и эксплуатируемаго народа».

Написанная лично Лениным, «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемаго народа» всѣм своим содержанием и даже заглавіем *) является полемическим отталкиваніем от Декларации прав человѣка и гражданина французской революціи. О личных правах ленинская Декларация и не упоминает. Но и права коллектива («трудящагося и эксплуатируемаго народа») она вовсе не считает «неотчуждаемыми и неотчуждимыми», или первичными по отношенію ко всякой власти и государству, — как утверждала доктрина французской революціи. Ленинская Декларация провозглашала права совѣтскаго государства, его задачи и цѣли, — а не права народа в отношеніи к государственной власти.

Декларация была признана, конечно, превосходящей по своему всемірно - историческому значенію все сущее и бывшее, — в

*) В полемикѣ с Робеспьером якобинец Буасель предложил принять не Декларацию прав человѣка и гражданина, а «Декларацию санкюлотов». Не отсюда ли, не у автора ли «Катехизиса рода человѣческаго» заимствовал Ленин и заглавіе для своей Декларации?.. — См. М. А. Landau-Aldanov «Deux Revolutions», p. 115. — Paris. 1920.

том числѣ и всѣ Декларациі прав человѣка и гражданина французской революціи. Не успѣлъ, однако, военный коммунизм отойти в прошлое, как Конституція РСФСР от 11 мая 1925 г. сочла уже за благо не включать в свой текст пресловутую «Декларацию прав трудящагося и эксплуатируемаго народа», а ограничиться глухой и общей ссылкой на нее. Пройдет послѣ этого еще 11 лѣтъ и новая «всемирно - историческая», так называемая, сталинская конституція (5 декабря 1936 г.) откажется даже от глухой ссылки на бывшее творчество Ленина и ответит в то же время цѣлую главу X-ую — Основным правам человѣка и гражданина.

*

**

Рѣзкое противоположеніе себя, Совѣтов, и своей, «никогда в мѣрѣ невиданной» революціи, конституціи, «соціалистическаго отечества» и проч. — всѣм прочим буржуазным «Европам» и Америкам, — служило не только цѣлям большевистской пропаганды и прельщенія внутренняго и международнаго. В замкнутости совѣтскаго міра, в воспитаніи любви к своему совѣтскому отечеству, в созданіи высококомѣрія совѣтских народов, в их изоляціи от буржуазной Европы власть видѣла одну из серьезнѣйших гарантій собственной прочности. Это стремленіе к самоизоляции сохранилось и тогда, когда внѣшняя политика Совѣтов коренным образом измѣнилась, и Совѣты стали вращаться в лучшем буржуазном обществѣ Женевы и Лондона, имѣли свое представительство и на похоронах высочайших особ, и при их коронованіи и т. д., и т. д.

Многочлѣнный свидѣтель того, как велась на мѣстѣ совѣтская внѣшняя политика, Н. Бассехес недавно писал по поводу «Московского пакта», что «большевики всегда боялись дружественных отношеній с западными государствами больше, чѣм враждебных: когда в 1922 году, послѣ заключенія рапальскаго договора, отдѣльные чины красной арміи стали вступать в контакт с германскими военными, в Москвѣ испугались и не рѣшились на превращеніе этого договора в военный союз». И сейчас, как и раньше, «духовной интервенціи» совѣтская власть страшится нище всего: «вот почему на всей территоріи СССР, от польской границы и до Тихаго океана, нельзя найти ни одной иностранной газеты: вот почему число иностранных корреспондентов в совѣтской Россіи сведено к минимуму; вот почему визы на в'ѣзд в соціалистическое государство выдаются только в видѣ исключенія. Тѣ же

рѣдкіе иностранцы, которые проживают в совѣтской Россіи, самым радикальным образом отрѣзаны от населенія. Власть опасается деформациі казенной идеологіи в мозгах граждан. Но вызвать такую деформацию извнѣ друг может гораздо скорѣе и легче, чѣм враг: в этом смыслѣ заключеніе пакта с западными демократіями является, с точки зрѣнія совѣтской власти, рискованным предпріятіем»...

Извилистая политика совѣтской власти не исчерпывается, однако, самоизоляціей и противопоставленіем себя всему прочему міру, — не исчерпывается ни внѣшне, ни внутренне. Рядом с утвержденіем «соціализма в одной странѣ» продолжала маячить — в разное время на большем или меньшем отдаленіи — и увлекательная мечта о міровой революціи*). И во внутренней политикѣ ближайшія и очередныя задачи перемежались с болѣе длительными историческими заданіями. Так, сталинская конституція была — оставшейся пока на бумагѣ — политической уступкой «отца народов» давленію обстоятельств и домогательствам ближайших сопративителей, объявленных позднее вредителями и измѣнниками. Но та же конституція, вмѣстѣ с стремленіем противопоставить себя всему прочему міру, обнаружила и обратную претензію Совѣтов стать законным наследником исторических достиженій человѣчества на пути к утвержденію свободы.

Именно в этих цѣлях Сталин самолично провозгласил свою конституцію «единственной в мірѣ до конца демократической», исполненной «послѣдовательнаго и до конца выдержаннаго демократизма». (См. его доклад на Чрезвычайном УШ С'ѣздѣ Совѣтов — «Правда» ном. 6939). Конечно, полностью отрѣшиться от привычнаго бахвальства и фанфаронства оказалось невозможным и при новой установкѣ. Поэтому тут же прибавлено, что сталинская конституція «не просто провозглашает равенство прав граждан,

*) И с таким изумительным коварством подготовленный и с молниеносной поспѣшностью заключенный только что договор Сталина с Гитлером обнаруживает тѣ же двѣ тенденціи. С одной стороны, желаніе отойти от буржуазно - европейских забот и тревоженій, не подвергая себя, свою власть и режим риску войны; и, с другой стороны, — сохранить себя и свою власть до того вождельннаго момента, когда изнемогшіе во взаимном истребленіи народы явят собой благодарный матеріал для торжества коммунистической пропаганды и октябрьской революціи в міровом масштабѣ.

но и обеспечивает его», что «демократизм новой конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а «демократизмом социалистическим», или «демократией для трудящихся, т. е. демократией для всех» и проч. Это не мѣняет того, что в конституции уже и помину нѣтъ о пресловутой «Декларации трудящагося народа». Статьи 118 - 133 формулируют «Основные права и обязанности граждан» по о б ы ч н ы м и о б щ е п р и з н а н н ы м образцам французской революции — конституциям 1791 и 1793 г. г.

Новая установка позволила советской печати и 150-лѣтній юбилей французской революции воспринять и расцѣнить почти как свой собственный.

«Люди сталинской эпохи, вооруженные идеями марксизма - ленинизма, построив социалистическое общество, грудью защищая свое отечество от капиталистического окружения и идя вперед к коммунизму, знают исторію», — пишет теперь в «Комсомольской Правдѣ» советскій академик Луппол. «И в перспективѣ вѣков они с особым уваженіем останавливаются на тѣх людях и на тѣх идеях, которые, в мѣру отлученнаго им временем, по-революціонному боролись с абсолютистско - феодальным строем... И мы говорим им: в пантеонѣ человѣческих геіев вы — наши... Таков путь, пройденный советской доктриной.

Историческій подход дал возможность возвыситься над противорѣчными политическими оцѣнками французской революции, хотя прославленіе бывших участников чужой и буржуазной революции не мѣшает расправѣ с активнѣйшими дѣятелями собственной «социалистической» революции!... Тот же историческій подход дал повод припомнить и воспроизвести всѣ положительныя оцѣнки французской революции Лениным. А академику Тарле, на 22-м году «социалистической» революции, дозволено было напечатать в «Правдѣ» даже слѣдующія строки: «Никогда до 1789 года, ни при одной из предшествовавших больших революцій, ни в Нидерландах в XVII вѣкѣ, ни в Англии в XVIII вѣкѣ, ни в Сѣверной Америкѣ в XVIII вѣкѣ не было столь радикальной ломки старых, отживших учреждений и порядков, какую продѣлала французская буржуазная революція XVIII вѣка» (ном. 193 от 14.-7). Та же мысль повторена и даже усилена Тарле в «Извѣстіях» от того-же 14-го іюля, в статьѣ по поводу взятія Бастилии: — «За время существования человѣчества (!) ни одно событіе внутренней жизни ка-

кой-либо нации не имѣло такого колоссальнаго и ни с чѣм несоизмѣримаго вліянія на всѣ остальные націи».

И в «буржуазной» литературѣ — даже во Франціи — немного достигаетъ такихъ степеней превознесенія великой французской революціи!

К празднованію 150-лѣтія французской революціи совѣтская идеологія и практика — пока что, правда, на бумагахъ — вернулись к ряду принциповъ 89-го года, в отрицаніи коихъ и в противо-поставленіи коимъ своихъ, совѣто - социалистическихъ первоначально полагались весь смыслъ и оправданіе Октября. Демократія снова оказалась в чести: не только реабилитирована, но монополизирована — демократіи Запада расцѣпываются в СССР какъ мнимыя и «такъ называемыя»; бывшее представительство отъ профессионально - производственныхъ «коллективовъ» и «группъ» в Совѣты рабочихъ, крестьянскихъ, солдатскихъ, казачьихъ и батрацкихъ депутатовъ смѣнилось всесоюзнымъ, или всенароднымъ представительствомъ отъ избирательныхъ округовъ и на основѣ «четырёхвостки»; отрицаніе индивидуальныхъ правъ смѣнилось ихъ утверженіемъ; интернационализмъ — патриотизмомъ в стилѣ санкюлотовъ французской революціи; а право на національное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія — пристальнымъ наблюденіемъ за «самоопредѣленіемъ» сосѣднихъ с Россіей народовъ. Для значительныхъ слоевъ совѣтскаго населенія революціи и нація стали синонимами.

И какимъ безнадежнымъ архаизмомъ звучатъ сейчасъ, даже в совѣтской идеологіи и быту, слова Ленина эпохи военного коммунизма и Брест-Литовска: «Всяческія воспоминанія и аналогіи с патриотизмомъ французской революціи 1792 года — одна революціонная фраза»!?. Именно эти слова и являются сейчасъ «фразой».

*
**

Проф. Тарле не ограничился выдачей похвальнаго аттестата «ни с чѣмъ несоизмѣримо» прошлому. Онъ думаетъ и о грядущемъ: «Гдѣ и когда совершится слѣдующій этапъ? Этотъ вопросъ ставился много разъ — одними со стѣсненнымъ сердцемъ, другими с надеждой. В разной формѣ, прямо или косвенно, его ставили и Шатобрианъ во Франціи, и Карлейль в Англии, и лѣвые гегельянцы в Германіи, и Огюст Бланкъ, полжизни просидѣвшій в тюрьмѣ, и Аристидъ Брианъ, полжизни пробывшій министромъ. Октябрь 1917 года далъ отвѣтъ».

Такъ, нѣсколько неожиданно для историка, заключаетъ Тарле,

не нашедший на протяжении 128 лет от французской и до октябрьской революцией ни одного заслуживающего внимания «этапа». В противоречие с самим собой и с своим коллегой по академии Лупполом, он полагает; что «то, что было прогрессивным тогда, 150 лет назад, не является таковым сейчас». Передовик «Правды» определенно подчеркивает, что октябрьская революция «не является ни продолжением, ни завершением великой французской революции», ибо — Сталин сказал (в интервью с Эмилем Людвигом): «Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма». Что это значит, — уточняет тот же Луппол: «Не дополнять нужно старую декларацию новыми правами, а изъять из старой декларации, отменить в старой декларации одно право — право частной собственности на средства и орудия производства, т. е. право эксплуатации человека человеком».

Не будем поднимать спора относительно фактического ущемления в СССР эксплуатации человека человеком. Отметим только, что, так называемая, сталинская конституция пошла не тем путем, который намечает Луппол, а — как раз в обратном направлении. По примеру Веймарской конституции, она дополнила личные права французской революции рядом новых прав: правом на труд, на отдых, на образование. С другой стороны, не упоминая о праве частной собственности, она закрепила в тексте конституции, наряду с «господствующей социалистической системой хозяйства», — «мелкое частное хозяйство» (ст. 9) и «право личной собственности» (ст. 10). И завершая на разные лады, что в СССР создан «социалистический строй, или первая фаза коммунизма», сам Сталин признал, что «светское общество не перестало быть классовым», а состоит из «передового класса — рабочих», «дружественного» последним — «класса крестьян» и классовой «пролойки» — интеллигенции.

Подчинивший себя шестую часть земной тверди и удержавшийся у власти вот уже скоро 22 года, Октябрь — событие, конечно, всемирно-исторического значения. И сколь ни анти-исторична сама террористическая диктатура с ее ленинизмом - сталинизмом, как подобием идеологии, — эволюция, продланный диктатурой, свидетельствует все же о непререкаемости некоторых исторических законов. Если даже большевикам, несмотря на пре-

дѣльный их «динамизм» и неразборчивость в средствах, пришлось, при исключительно счастливой международно - политической кон'юнктурѣ, отступить от первоначальных задач, — какія еще нужны доказательства, что самыя их заданія были ирреальны и неосуществимы? Конечно, 1939 год не 1789-й: мир стал иным, но человечество не на много измѣнилось, — во всяком случаѣ не на столько, чтобы уже притти к тому строю, который французская революція характеризовала как царство свободы, равенства и братства, а новѣйшая эпоха именуется социализмом.

Из неудачи большевистскаго опыта слѣдует не только то, что к социализму нельзя притти путем террора и что «обобществленіе средств и орудій производства» само по себѣ еще не создало социализма. Это было самоочевидной истиной и раньше: «Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет», — повторил незадолго до смерти руководитель социалистическаго интернационала Вандервельде на празднованіи 50-лѣтія бельгійской рабочей партіи. «И деспот может экспроприровать класс капиталистов и поставить себя на его мѣсто. В таком случаѣ трудящіеся оказались бы не рабочими, получающими заработную плату от капиталистов, как то было раньше, а рабами государства, единой и неограниченной власти», — утверждал Каутскій. Да и Ленин это признавал до прихода к власти: «Кто хочет итти к социализму по другой дорогѣ, помимо демократизма политическаго, тот неминуемо приходит к нелѣпым и реакціонным, как в экономическом, так и в политическом смыслѣ, выводам» («За 12 лѣт». — СПб. 1908). — Горьчайшим для многих выводом из опыта большевиков и всего того, что он породил в мирѣ, явилось убѣжденіе, что вообще «социализм в наши дни» — утопія. Слишком далеки современному человѣку сознаніе и ощущеніе «братства», или «солидарности», которая не исчерпывается въѣ одинаковой «заинтересованностью» и не сводима к одной общности интересов.

Между тѣм «социализм в наши дни» — очень распространенное, чтобы не сказать модное, заблужденіе. Его раздѣляют не только максималисты, большевики в СССР или лѣвые социалисты в Англии, — которым и принадлежит этот призывный лозунг. Оно присуще и иным убѣжденнѣйшим противникам большевистскаго строительства и всеѣх социалистических увлеченій на Западѣ. Так вдумчивый и талантливый Е. Юрьевскій обнаружил совѣм недавно «подлинный социализм» — не «через 200 лѣт, не через 70, а

сейчас, сегодня, завтра», и не в СССР, а, как бы в пику большевикам, — как раз в капиталистических странах. «Куски подлинного, живого социализма, большей или меньшей величины, уже повсюду вкраплены в толщу современного «капиталистического» (ироническія кавычки оригинала. — М. В.) строя»: в Америкѣ, Ново-Зеландіи, Норвегіи, Англии. «Забота о старых развѣ не социализм?..» «Прекрасная забота о юном поколѣніи — развѣ это не социализм?..» «В новопостроенные дома, свѣтлые, отвѣчающіе требованіямъ гигиены, снабженные ваннами и всякимъ комфортом, из старых, сырых, темныхъ квартир переселилась треть населенія Англии и Уэльса! Развѣ это не подлинный социализм?... («Соврем. Зап.», ном. 69, стр. 298 - 299).

Идя такимъ путем, автор обнаружилъ наличность социализма в Америкѣ, Ново-Зеландіи, Норвегіи, Англии, Франціи. Никто и не замѣтил, какъ міръ заговорилъ социалистическими «стихами»... В новомъ вариантѣ повторилась старая ошибка доктринальнаго либерализма, усматривавшаго «социализмъ» и посягательство на экономическую свободу почти во всѣхъ социальныхъ реформахъ новаго времени: в законодательномъ ограниченіи рабочаго времени, в установленіи обязательнаго минимума гигиены и безопасности, в подоходномъ налогѣ, социальномъ страхованіи, выкупѣ и строительствѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, монополіи на изготовленіе и торговлю спиртомъ, табакомъ, спичками и т. д., и т. д.

Если не злоупотреблять понятіями и не довольствоваться «номиналистическимъ» рѣшеніемъ проблем, нельзя однимъ и тѣмъ же словомъ покрыть самыя разныя явленія. Рузвельта и Поля Рейно такъ же нельзя причислить къ социалистамъ, какъ нельзя датировать социализмъ начальной фазой фабричнаго законодательства.

Социализмъ не есть лишь обобществленіе средствъ и орудій производства*). Но социализмъ не можетъ быть сведенъ къ праву на жизнь и существованіе, — которое сейчасъ защищаетъ Е. Юрьевскій, в качествѣ адекватнаго выраженія социализму, и которое в свое время защищали Влад. Соловьевъ, П. А. Новгородцевъ, І. А. Покровскій и др. противъ социализма. Его защищали в конвентѣ и Робеспьеръ, говоря: «Первое изъ правъ — право на существованіе. Сама собственность существуетъ для того, чтобы давать людямъ жить. Все необходимое для сохраненія жизни есть соб-

*) См. мою статью «О социализмѣ, совѣтскомъ и иномъ». «Соврем. Зап.», № 64, стр. 387 и др.

ственность всего общества. Только сверх нея избыток может быть частной собственностью и служить объектом торговых сделок». — Или и Робеспьер был социалистом?..

За 150 лѣт, протекших с французской революціи, в мірѣ не успѣла сложиться окончательно и окрѣпнуть, так называемая, формальная или политическая демократія. вмѣстѣ с тѣм успѣло вскрыться огромное значеніе экономическаго фактора — неравенства и угнетенія: недостаточность одной политической свободы и риск, которому подвергаются политическія достиженія при всяком новом экономическом продвиженіи по линіи социальной справедливости. Сейчас уже не приходится настаивать на роли и значеніи социальной экономики: это трюизм, не перестающий о себѣ вопіять и за себя мстить. Плановое и управляемое хозяйство стало неотмѣнимым законом общежитія. Частное хозяйствованіе, индивидуальное и коллективное, все шире и глубже пронизывается вмѣшательством и надзором со стороны цѣлаго, государства. Если опредѣлять социалистическую струю в этом процессѣ, она идет по линіи сведенія к минимуму частной выгоды и барышей от пользованія чужим человеческим трудом и, обратно, — к максимальной оплатѣ человеческого труда или, как гласит «предѣльная», в реальности неосуществимая формула социализма, — «полнаго продукта труда». И в международной экономикѣ мір идет к координаціи хозяйства, производства, кредита, сбыта.

Сейчас приходится доказывать уже не значеніе общественной экономики, а увы, — неотмѣнимую цѣнность политической самодѣятельности и свободы. И в этом непреходящее значеніе великой французской революціи и ея принципов — не только в историческом прошлом, но и для нынѣшней политической дѣйствительности. И сейчас борьба идет — и предстоит — не за или против социализма, а за элементарнѣйшія права человѣка и гражданина, провозглашенныя французской революціей и только частично и несовершенно осуществленныя на протяженіи послѣдовавших полтора вѣка лѣт.

Оказалось, что исторія движется вперед гораздо медленнѣе, чѣм того хотѣлось бы или чѣм то представлялось.

М. Вишняк